

УДК 282(261)

Н. А. Кайзер,факультет истории, теологии и международных отношений,
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
Научный руководитель: д-р филос. наук, проф. М. Д. Купарашвили

Теология освобождения и народная религиозность

Аннотация. В статье рассматривается становление теологии освобождения в Латинской Америке как направления богословской мысли, сформировавшегося в условиях социального неравенства и структурной бедности. Анализируются ее связь с народной религиозностью, ориентация на социальную справедливость, роль катехизации и базовых церковных общин как средств народного образования и религиозной мобилизации, формирующих критическое сознание и солидарность верующих.

Ключевые слова: теология освобождения, народная религиозность, латиноамериканская религиозность, католическая церковь, социальная справедливость, синкретизм.

Формирование теологии освобождения в Латинской Америке в 1960–1970-е гг. стало не только новым направлением богословской мысли, но и отражением глубоких изменений внутри католической традиции. В условиях обострившегося социального неравенства и устойчивой структурной бедности католическая мысль оказалась перед необходимостью переосмыслить свое место в обществе и найти новые формы присутствия среди народа. Столкнувшись с кризисом социально-экономических институтов, Католическая церковь вынуждена была выйти за рамки привычного пастырского служения и включить идею социальной справедливости в пространство религиозной и миссионерской деятельности.

Согласно П. В. Крылову, теология освобождения — это богословское и социально-религиозное движение, возникшее в западном христианстве как ответ на обострение структурных противоречий глобализирующегося мира. Оно стремилось осмыслить веру через призму социальной справедливости, неравенства и необходимости преобразования общества [1].

Перуанский теолог Г. Гутьеррес в книге *Teología de la liberación* интерпретировал христианство как практику освобождения от несправедливости и восстановления достоинства угнетенных. Центральное место в теологии освобождения занимает критика капитализма через понятие «структурного греха», понимаемого не как личное отклонение, а как общественная система эксплуатации и неравенства. Церковь, согласно этой позиции, призвана разоблачать механизмы, воспроизводящие бедность, и утверждать возможность справедливого социального порядка [5, с. 150–164].

Даже Евхаристия осмысливается не изолированно, а во взаимосвязи с социальной реальностью: социальная несправедливость рассматривается как препятствие для подлинного общения и как фактор, подрывающий основы церковной общины [5, с. 148–150]. Этот поворот ознаменовал переход богословия от абстрактных размышлений к живому взаимодействию с социальной реальностью и повседневным опытом верующих.

Религиозное образование и катехизация в теологии освобождения также приобретают иное содержание и рассматриваются как процесс формирования критического сознания, способного преодолевать пассивное восприятие социальной действительности. Главная цель такого подхода заключается в развитии у верующих осознания собственного социального положения и готовности к преобразованию угнетающих структур. Катехизация выходит за пределы традиционного религиозного наставления, превращаясь в средство интеграции веры в конкретный историко-социальный контекст. Социальная несправедливость при этом трактуется как вызов миссионерской функции Церкви, требующий активного отклика. В данном контексте центральное место занимает концепция «осознание», предложенная в педагогике П. Фрейре и адаптированная в богословии освобождения. Образовательный процесс ориентирован на развитие способности выявлять причины бедности и эксплуатации, а также на поиск путей их преодоления [5, с. 115–118].

С точки зрения социальной и политической функции катехизация предстает как форма народного образования, в которой христианская вера соединяется с практикой борьбы за социальную

справедливость. В латиноамериканском контексте церковные общины выполняют просветительскую роль, способствуют формированию солидарности и развитию гражданской активности, тогда как Церковь осмысливается как «народ Божий», активно участвующий в историческом процессе освобождения [2, с. 260–263].

Место народной религиозности в теологии освобождения определила конференция епископов в Пуэбле в 1979 г., на которой был принят так называемый Документ Пуэблы. В нём впервые на официальном уровне признавалось, что народная религиозность не является «низшей» или «примитивной» формой веры, а представляет собой подлинное выражение религиозного опыта народа. В документе подчеркивается, что народное благочестие может служить «школой веры», поскольку через него верующие выражают доверие Христу и проявляют взаимную солидарность [3, с. 80]. Одновременно отмечалось, что народная религиозность требует «очищения» от поверхностных форм и «регрессивных синкретизмов», т. е. от элементов магических практик и дохристианских культов, способных исказить подлинный смысл евангельского послания [3, с. 81]. Подобная двойственная оценка, сочетающая признание и критику, свидетельствует о готовности католической традиции в Латинской Америке включать народные формы веры в церковную практику при условии их постоянного богословского осмысления и различения.

В контексте теологии освобождения особое значение приобрели базовые церковные общины, представлявшие собой небольшие группы из 10–30 человек. Эти сообщества стали пространством, в котором народная религиозность сочеталась с евангельским размышлением и социальной активностью. В их рамках верующие совместно обсуждали актуальные проблемы — бедность, безработицу, семейные трудности — сопоставляя их с библейскими текстами и вырабатывая на этой основе конкретные формы практического действия [4, с. 106–107]. Подобная форма социальной мобилизации рассматривается как закономерный ответ церковных общин на условия системного угнетения и социальной несправедливости. Церковь начинает раскрываться как сообщество, объединяющее верующих, формирующее коллективное сознание солидарности и выступающее центром социального сопротивления, ориентированного на выработку альтернативных моделей общественного устройства.

Таким образом, теология освобождения представляет собой явление, в котором богословская рефлексия тесно связана с социально-политической практикой. Сформировавшись в условиях структурного неравенства Латинской Америки, она предложила понимание веры как формы исторического действия, направленного на преодоление угнетения и утверждение человеческого достоинства через инкультурацию народной религиозности и ориентацию на развитие критического сознания верующих.

1. Крылов П. В. Теология освобождения // Большая российская энциклопедия : [сайт]. — 2017. — URL: https://old.bigenc.ru/religious_studies/text/4187614 (дата обращения: 10.10.2025).
2. Assman H. La idolatría del Mercado. — San José : DEI, 1997. — 270 p.
3. Documento conclusivo de Puebla (III Conferencia General del Episcopado Latinoamericano, 1979). — Puebla, 1979. — 180 p.
4. Freitas M. A. Comunidades eclesiais de base. In: Movimentos sociais e educação: mútuas influências / I. O. Noronha, M. A. Freitas. — Belo Horizonte : Universidade do Estado de Minas Gerais, 2023. — 264 p.
5. Gutierrez G. A Theology of Liberation: History, Politics and Salvation. — New York : Orbis, 1988. — 264 p.